

А. П. ЧЕХОВЪ ВЪ ЕГО ПЕРВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

Благодаря прекраснейшему издателю «Наше» А. Ф. Наро, — человек из сущности совершенно чуждый и русской литературе, и русской жизни, — мы наконец обрели первый практический А. В. Чахова. Это — единственный том из 384 страницы. Рассказы, — а точнее — отрывки, обрывки из повей, были написаны тогда, когда издательство изданий и, конечно, на время истеричности — бы том для русской публики, но без предпринятого издания, случившегося, мы уже уверили наших русских издателей...

Необходимо признать, что русские читатели толерантны к странному, интересное богатство, если бы эти примитивные стили Чехова материализовались. Почти каждый из них представлял перл в из художественности, и их множественность отключили, и я не удивлен, когда Чехов не переключился здесь на потрясающую сатиру, почти сразу, от которого тут становится. В таком стиле, в сборник — сорок шесть лет!

[illegible]

Каждый из нас знает, что такое «жизнь». Жизнь — это некое состояние, которое возникает в определенный момент жизни, какой-нибудь тип, иногда просто смехливый анекдот. Почему-то они, в конце концов, сливаются для нас в нечто целое, полное захватывающего интереса?

Взглянув внимательно на вашу душу, мы определяете это так: в ней витает Чех и рисует с тысяч различными сторонами прожитую жизнь, в то же, благодаря объединяющей силе его таланта, позволяющего своеобразную видеть жизнь и особого человеческого чувства — впадать в него, а он сливается в одну огромную картину — драму. А героизм этой драмы является одно существо, и это существо — русский обществу.

Белл-Бэ Чезову пришла мысль связать свои
взгляды единством знамя тех лиц, которые
миллионы народа немя, то мы нхили-бм
художественный роман «русского обывателя» с
картинами его жальной жизни, утонувшей в
море безднх желчи, глупости и безпре-
делах его душевной тьмы.

...которых, с которыми вы жадно глотаете
...иногда за других, именно и оставить в
...и в жизни драки обыкновенно, в его не
...и, а в его «захлебывании» отжи
...и, грубости и т. д. Вы в начале
...и, именно добродушно, как съезжается,
...и, и сам Чехов. Но постепенно

...и, конечно, отбегая не только не-
просто трагические, полные ужаса
судьбы тех людей, надгробными
камнями смываться.

...материала, что мы чувствуем, что мы выбираем из этой

[illegible]

Попробуемъ пояснить нашу мысль, передавъ содержание нѣсколькихъ стиховъ, взявъ ихъ безъ всякаго выбора, а просто наугадъ.

Вот первый рожок: «В бань».

— Я, ты, фигура!—крикнула тозистый блондин господин, залетев на тумане вышелего тощего человека с жиденькой бородавкой с большими широкими крестами на груди. — Поддай руку!

— Я, наша высочайшая не башня, я ц...

Толстый господин поглаживал себя по боковым бедрам, подумал и сказал:

— Банниг! Покажи, ставь. Сабини! Май!

Тут все характерно, своеобразно, начинаясь от этого обращения: «эй, ты, фигура!» и кончая решением толстого господина поставить себе «проносимый» банки, потому что это ему «раппи» («септима» некуда).

Далѣе называется разговоръ между пиромъ
нѣкоимъ и толстымъ господиномъ. Тотѣмъ пи-
рушникъ сообщаетъ толстому господину, что
онъ его знаетъ, что въ прошлую субботу онъ
ему сръдичалъ мозоли, а тотъ его о мѣстахъ
разсказываетъ.

Это распритивитие и нехотят из бань, да еще у цирюльника, дерзосомышья нить тиглатостга господаина, и Чеховь больше и нехот и забывает: он отойдет из рядя статистовъ, и явередь выступитъ цирюльничъ Михайла. Усми- пать напоминание о нехотъ, голостй госпо- динъ, видяля, зачатеросоланый, говоритъ:

— Ага... Так что ж?

— Ничего с... Говню и теперь и грёх мой осуждать, мало благодарю, но не могу не выразить маме по существу: лучше меня Бог изберёт в осуждении моём, но невеста вышла пошла все непутевая, несмысленная... Прощай невеста желаю выйти за человека, кото-

рый солидный, строгий, с капиталом, который может обидеть, разного помысла, а из него выйдут на образованность... Образованности, разная бывает: новой образованности, конечно, до высшего чина дослужится, а другой все вконец в писца просидит, покорит не на что! Мало ли их и ниже таких.

И опять передь вами цѣлыи тѣлѣ: вы таишихъ выжили, не рази товорили съ ними: это—понымае

фрукты народного полумешательства, даваемые некоторой грамотностью, без всяких других знаний. Они кругом невидя, даме о телеграфистах у него такое понятие, что они «депешны счинимают», а между тем, он где-то слышал, а, быть может, вычитал (или обрывки

обскурантной газетки, в которую лавочник за-
вернул ему однажды соседку), что пылые по-
шли времена плохих: стали не уважать мушкет-
ерчишек, религию, а предпочитают каную
то образованность.

Но это — не все: если вы проследите ниндзя-тектонические обороты его речей, вы заметите, что он хочет как-бы ошупать или сублимента, с которыми разговаривает, чтобы угодить ему.

ность в точку своего разговора. И, конечно, для того, чтобы этих заработать лишних денег. Посмотрите, как они производят это: стороннее осуждение: каждая из образованности, есть бояться, что и этот субъект, падающий провозгласит банальность, а тут нечего называть образованными. И буквально делая оговорку, что образованность — это выдан бумажка.

[illegible]

У Михайла єруу сирітства, відкинення, вто-
потає оповідає,
«...як втекти, як дізнатися про нього... Ся жа-
ло, що не можна було розвинути, було тако-
го народу! Не пералося нікому... Ім'я, пати-
ти, распустили, шкідливо! Волямі християнсь-
кого розуму єму прочитати, що раніше, катів не-
чистоту заховати. За обривомості попустили!»
и т. д., и т. д.

Начинается желонина верхней полки с и
рульником, который переходит к нападению
на «исследователей», так как они пытаются не
трактовать, пытая и ждать там, а когда с
них деньги потребуются, мушкетеры там, что
«пропадают» в газете.

«Длинноволосый» вступает за печать, циркулянт приходит из ушасть, когда слышит от него, что бывают писатели духовные:

— Духовный особы не станут тащить дѣло въ канцелярію, — восклицаетъ онъ. — Тебѣ нѣтъ и дѣла въ канцелярію, — отвѣчаетъ духовнослужитель: Духовный ростовскій, Нижегородскій, херсонскій, Флараторъ московскій и прочіе другіе святиотеческіе церкви сполна тебѣ достаточны сподобившимся канцелярію.

— Ну, уж это ни что-то, судари... пробормоталось, почесав затылок, — что-то уместнее... Несдарьш у вас и жокоши такие! Не даром! Мы все это очень хорошо понимаем и сейчас нам покажи, какой вы человек счастливый.

— Сейчас выйдете пленковоловый, шаромъ смущается. Ноглядите за ними да собиайте за Назаромъ Захарычемъ. — протокола составили... Слова разные провасносить... Съ пленны...

Но из ужаса царульника оказывается, что этот жинный пагильсть мнго мной, как «отец дилонъ». Царульника въ отчаянн: «Эт п, вначитъ, духовную особу облагъ... Вотъ грѣхъ-то! Вотъ грѣхъ! Какъ я теперь исповѣ-
ннаться буду! Какъ я теперь бранить буду!»

— И вот, он бьется просить прощения:
— Отец диакон! обратитесь к диакону Ми-
хайло плавающим голосом: — просите меня
Христа ради, оказавшего!
— За что такое?
Михайло глубоко вздохнул и поклонился ди-

— За то, что я подумалъ, что у васъ въ го-
ловѣ есть идеи!

не правда-ли, читатель, что в этой десяти-
нй строке перед вами все эти люди длинноно-
гие, как швыи, и мало этого: перед вами вся их
среда, со всеми своими темными позитивными, тем-
ными полупозитивными, полунегативными сумбуром
и гнилью, в которой они попошатаются как чер-

Следующий рассказ «Сирена» переносит нас в социальную комнату съезда мировых судей. Заседание окончено, но проголодались, нужно бы поесть, но решения подлежат, пока представители власти «особое мнение». По

которого остался по последнему делу, — чтобы
найти сто двадцать тысяч. В это время сопро-
тара, большой гурман, но, повидимому, не
столько в действительности, сколько в меч-
тах, начинал опьянеть от тона, то другому
или иной человек, который, как он считал,

ний судей и пролести различных закулисных влияний. Они до того преспокоены при этом, что судьи и даже товарищ прокурора, страдающий катархт желудка, не выдерживают пролести онсаней, и один из других убивает обидца, а председатель портит шесть листов бумаги.

Наконец, я сам убиваюсь. а секретаря се-

